

О войне на Восточном Фронте рассказывает немецкий солдат Густав Реввер (Gustav Rewwer)

2-я Воздушнодесантная Панцергренадерская Дивизия «Herman Göring»

В начале пути

Я родился в 1924 году в северогерманском городе Osnabrück. В 1942 году, после окончания средней школы в Фрайбурге и по достижении призывного возраста, я выбрал службу в Люфтваффе, надеясь стать пилотом. После этого я был отправлен для прохождения базовой подготовки в город Нанси во Франции.

В марте 1943 г., После прохождения базового обучения я получил назначение на авиабазу в Голландии, где находился до середины года. В то время я очень гордился тем, что служу в вооруженных силах Германии, особенно это чувство было сильным, когда я нес охранную службу и имел возможность любоваться самолетами *Focke-Wulf-190* со столь близкого расстояния. В то лето после атак бомбардировщиков авиации союзников на летном поле оставались воронки глубиной от 5 до 15 метров, и я с моими товарищами должен был засыпать их камнями и землей, чтобы поддерживать взлетную полосу в рабочем состоянии. Припоминается, что мы также получили приказ продлить ВПП, по слухам, для того, чтобы принять самолеты нового типа – без пропеллеров. Мы думали, что эти слухи были всего лишь чьей-то шуткой, но, на самом деле, ВПП действительно удлиняли для самолетов *Me-262*. К сожалению, я получил новое назначение до того, как прибыли эти машины.

Весной 1944 года я был направлен в южную Германию для прохождения обучения в школе планеристов – это была первая стадия подготовки пилотов. Здесь же мы изучали штурманское дело и метеорологию и пр. Затем я приступил к летной практике на небольшом одномоторном самолете, на котором летал с инструктором.

Однако, в мае или июне 1944 года ситуация резко изменилась: я и многие из моих товарищей-курсантов были уведомлены, что из-за сильной нехватки горючего, связанной с бомбежками союзной авиацией румынских нефтяных месторождений, мы будем переведены в наземные войска, вероятно, - в одну из полевых дивизий Люфтваффе или просто в пехотные части. Что говорить, даже опытные летчики из экипажей бомбардировочной авиации, многие из которых имели боевые награды, тоже получали назначение в пехоту.

Без особых проволочек меня и многих из моих друзей-курсантов в середине лета отправили на Восточный фронт в части, противостоящие грандиозному русскому наступлению, которое привело к разгрому группы армий «Центр». Мы-то надеялись, что нас отправят в Италию (что было бы не так уж плохо!), но я и некоторые из моих товарищей получили назначение во 2-ю Воздушнодесантную Панцергренадерскую Дивизию «Герман Геринг» (*Fallschirm-Panzergrenadier Division 2 Herman Göring*), которая в то время занимала оборонительные позиции на Висле к югу от Варшавы. Я стал пулеметчиком в одной из пехотных рот.

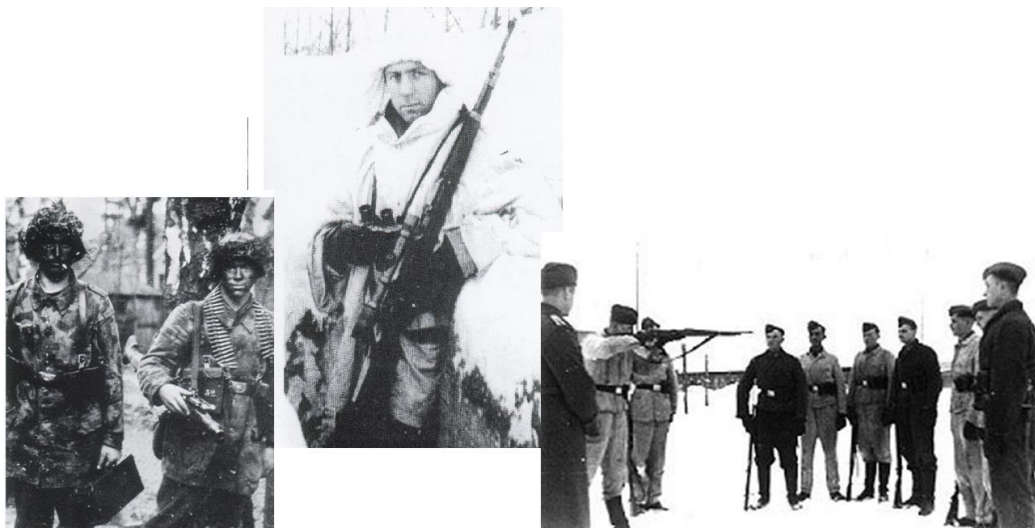
В боях

По правде говоря, мне все время было чертовски страшно. Оказавшись в октябре 1944 года на передовой, первые несколько недель моего пребывания на фронте я был занят на рытье окопов и блиндажей, причем преимущественно ночью. Ночи были длинные, русские по ночам пускали в небо осветительные ракеты, которые, казалось, горели дольше и ярче, чем немецкие.

Будучи пулеметчиком, использовавшим *MG-42*, я столкнулся с тем, что было типичным для последнего года войны. Меня доводило до бешенства патроны калибра 7.92 мм, потому что их стальные гильзы покрывали лаком, чтобы остановить ржавчину: для нормальных гильз, таких, какие применялись на ранних этапах войны, не хватало латуни и медных сплавов. Лакированные патроны заклинивали пулеметный затвор, так как лак плавился от нагрева и раздувался. Еще одной проблемой с *MG-42* была его скорострельность. Из-за этого ствол перегревался, что снижало точность стрельбы и приводило к частому заклиниванию. Чтобы предотвратить подобное в условиях отсутствия времени на смену ствола, второй номер время от времени обкладывал ствол пулемета снегом, чтобы охладить его. У моего второго номера был автомат *MP-44*, с помощью которого он держал русских на расстоянии, пока я перезаряжал пулемет или менял ствол.

Готовясь к атаке, русские всегда обстреливали наши позиции из минометов. Вообще, минометы были основным оружием русских. Кроме того, в течение десяти минут перед атакой они стреляли дымовыми снарядами, что снижало нам видимость до расстояния всего в десяток метров. Еще русские применяли артиллерийские орудия, которые мы называли *Ratch-Bum* (можно примерно перевести как «колотушка» – речь идет о 76-мм орудии - *ВК*). Они стреляли прямой наводкой, и снаряд разрывался над землей – найти подходящее укрытие от этих разрывов в открытых траншеях и окопчиках было нелегко. Думаю, этот тип снарядов применялся русскими не для того, чтобы убить солдата противника, а чтобы вывести его из строя и вынудить его двух-трех товарищей покинуть передовую, чтобы эвакуировать раненого в тыл и тем самым ослабить нашу оборону перед атакой...

Нам не всегда удавалось установить перед нашими окопами проволочные заграждения, чтобы замедлить атаки русских: просто не хватало проволоки, однако мы ставили минные заграждения, что имело нужный эффект. Мы рыли вторую линию траншей метрах в 200-х за основной линией, куда мы уходили, когда русским удавалось ворваться в первую линию обороны. Траншеи второй линии были всегда засыпаны снегом, и когда мы прыгали в них, было совсем некомфортно... Потом приходилось выгребать снег из окопов.

1-е и 2-е фото – солдаты дивизии *Herman Göring* на Восточном фронте; 3-е фото – военнослужащие Люфтваффе проходят пехотную подготовку (возможно, Восточный фронт)

1-2-е фото слева направо - <http://www.angelfire.com/de3/hgpanzer/uniforms.html>; фото справа - http://www.flamesofwar.com/Default.aspx?tabid=112&kb_cat_id=34)

Был у русских еще один вид оружия, обычно применяемый на Восточном фронте в ночное время: бипланы, которые мы называли *Nähmaschine* или “летающей швейной машинкой.” Эти самолеты по ночам бомбили все, что оказывалось под ними. Как-то раз летчик такого самолета спутал немецкие позиции с позициями русских и отбомбился по своим же: это немного развеселило нас – редкий повод для веселья в то время на Восточном фронте. Эти же самолеты сбрасывали листовки, призывающие нас сдаваться и дающие понять, что война нами проиграна...

Припоминаю, что как-то утром русский патруль заблудился на ничейной полосе и приблизился к нашим позициям, полагая, что идут к своим. Их встретили огнем из засады, их русские бежали, побросав оружие и разное снаряжение. Постоянной угрозой в дневное время для нас были русские снайперы. Никто из нас не осмеливался высунуть голову над бруствером из опасения быть подстреленным вражескими снайперами, у которых был репутация превосходных стрелков.

Форма и снаряжение

Наша форма состояла из голубой ватной куртки и голубых ватных брюк, принятых в качестве зимнего снаряжения в Люфтваффе. Не имели отношения к Люфтваффе наши полевые кепи (*Feldmütze*) цвета *Feldgrau*. Поверх этого мы носили камуфляжные парки и зимние брюки. Зимой мы просто ничего с себя не снимали – для этого не было возможности. Кроме того, мне не досталось одеяла, поэтому приходилось спать в одежде. Однако, повезло с обувью: мне достались башмаки, которые выдавали десантникам. Эти башмаки грели и оставались сухими значительно лучше, чем какая-либо другая обувь, которую выдавали в немецкой армии. Я не снимал их месяцами, поскольку постоянно находился на передовой, и русские могли пойти в атаку в любую минуту. Вместо носков я носил портянки (*Fusslappen*), в которых ногам было, вроде, посуше в глинистых траншеях...

Я, как и большинство моих товарищей, носил стандартную каску, однако, наш взводный, лейтенант, носил каску, приняту в воздушнодесантных частях, хотя я не уверен, что он когда-либо служил десантником (возможно, служил, так как полк *Густава Реввера* был сформирован на основе воздушнодесантного полка *Fallschirmjäger-Regiment 16 Schirmer-Ost - JH*). Я также пользовался красноармейским солдатским ремнем. Как-то я споткнулся о замерзший труп русского солдата, обшарил его в поисках продуктов и ценных вещей и в итоге снял с него ремень.

Жизнь в окопах

Нашим настоящим врагом были не советские солдаты, а погода, которая, казалось, состояла из непрерывных дождей, грязи, холода, снега и порывистого ветра. Я провел в окопах в Польше и Восточной Пруссии пять месяцев подряд – это была жизнь под открытым небом, без крыши над головой, в холоде и сырости...

Например, в Восточной Пруссии наша оборонительная линия состояла из противопехотной минированной полосы, из основной линии зигзагообразных траншей и вторичной оборонительной линии, состоящей из серии огневых точек, соединенных окопами, ориентированными перпендикулярно друг другу. Близ одной из оборонительных

позиций метрах в 200-х за ними располагалась ферма, куда подъезжала ротная полевая кухня (*Gulaschkanone*), чтобы сгрузить дневные или вечерние рационы. Дневной рацион обычно состоял из пайки хлеба. Раз в день мы получали горячую пищу, обычно, - суп из картофеля и овощей, поскольку мяса практически уже не было даже на фронте. По меньшей мере, один раз я получил упаковку с особым рационом, на которой было написано *Nur für Frontkämpfer im Infanterieverband* (*Только для пехотинцев на передовой*). Припоминаю, что в упаковке было печенье, сухофрукты, сигареты, растворимый кофе и таблетки глюкозы. Как-то раз я получил другую упаковку, в которой были сухари (*Knäckebröt*).

Вообще, я все время ходил голодным, причем настолько, что первое, что я делал, когда наткнулся на труп, я обыскивал его в поисках провианта. Я обшаривал карманы и снаряжение и у своих, и у чужих. Когда мой друг погиб в бою, я обыскал и его труп – ничего другого не оставалось...

Такие вещи как присыпка для ног, набор иголок и ниток или другие необходимые солдату мелочи доставались тем, кто служил в оккупационных частях в Дании или Норвегии и у кого было время на пришивание пуговиц и т.п. Вообще, пришивание пуговиц и поддержание формы в чистоте и порядке было редкостью на фронте, там у солдат были другие приоритеты, такие как просто остаться в живых... Если мы ночевали не в окопах, оставаясь вблизи передовой, я и мои товарищи никогда не останавливались на ночлег в зданиях. Здания и городки всегда были под прицелом русской артиллерии, поэтому мы спали в ближайшем лесу.

По мере того, как нехватка самого необходимого становилась типичной для наших вооруженных сил, некоторые приспособления стали использоваться все более широко. Одно из них называлось *Holzkocher*. Это было что-то наподобие дровяной печки, расположенной на грузовике сразу за кабиной водителя. В них сжигали деревянные кубики размером 4х4х4см, и считалось, что эти печки помогают грузовику сэкономить топливо. Вообще говоря, от них было больше копоти, были они ненадежными и не давали достаточной тяги. Чтобы проехать 30-50 км, приходилось сжигать 10 мешков этих кубиков. Среди нас ходила такая шутка: «Германия создала новый супертанк весом в 70 тонн, с тяжелым орудием и мощной броней, способный уничтожить любой танк союзников, но чтобы привести его в действие, за башней нужно держать 20 танкистов, которые будут пилить дрова.»

Поддержание дисциплины, даже в знаменитых подразделениях, носивших имя *Herman Göring*, временами носило жестокий характер. Как-то раз офицер остановил троих солдат, бредущих по дороге от линии фронта. Он незамедлительно обвинил их в дезертирстве и расстрелял из *MP-44* прямо на месте. Я видел все это. Вместе с моими товарищами мы подошли к трупам и обыскали их в поисках еды сразу же после того, как офицер удалился из поля зрения.

Ранение и послевоенная жизнь

15 марта 1945 года в бою близ города Heiligenbeil я был ранен в ногу. Я и не заметил ранения, пока кровь не начала стекать мне в ботинок. Осколок попал в мякоть за левой коленкой, но не задел артерию или кость. Я сам дошел до батальонного перевязочного пункта, потому что не хотел попасть в плен: к тому времени я уже видел, что случалось с теми, кто был ранен и оказывался в плену у русских. Перевязочный пункт располагался в большом сарае, и здесь мне пришлось ждать в длинной очереди с другими ранеными, некоторые из которых истекали кровью после более серьезных ранений. Передо мной в очереди стоял офицер. Он был контужен разрывом снаряда настолько сильно, что не мог ответить ни на один вопрос санитаров. То, что творилось там, было ужасно: я видел, как хирурги оперировали находящихся в сознании солдат без анестетиков... После того, как

моя рана была обработана, меня и еще нескольких раненых отвезли на грузовике в гавань, погрузили на катер и переправили в Пиллау. Я помню, как нас атаковали русские самолеты: один из них пролетел так низко, что я разглядел лицо бортстрелка. В конце концов, меня и других раненых погрузили на более крупное судно, отправлявшееся в Копенгаген. К тому времени в мою рану попала инфекция, я перестал чувствовать свою левую ногу и уже думал, что потеряю ее. Наше судно было атаковано русскими штурмовиками, но зенитчикам удалось отогнать их. На борту судна хирурги продолжили обрабатывать мою рану, но я при этом уже ничего не чувствовал.

Попав в госпиталь в Копенгагене, я быстро поправился, но оставался там до 8 мая 1945 года. В августе 1945 я оказался в Киле, который находился в зоне британской оккупации. Когда я и мои раненые товарищи сошли с корабля, британские солдаты отобрали у нас буквально все: карманные ножики, часы, ручки и пр. Однако, в знак уважения, они не стали отбирать у нас боевые награды. Вообще, британцы обращались с нами очень хорошо и неплохо кормили. Нам раздали памфлеты, в которых говорилось, что Германия начала войну и миллионы людей были убиты по вине Адольфа Гитлера. Нам также сказали, что немецкая промышленность будет полностью демонтирована, чтобы Германия никогда больше не начинала войн. В сентябре 1945 года мне было разрешено вернуться в Osnabrück, который был на $\frac{3}{4}$ разрушен бомбардировками.

В 1957 году, находясь в отпуске в Югославии, я встретил свою будущую жену – гражданку США. Мы поженились, и я иммигрировал в Америку, поселился в штате Индианополис, где работал до пенсии гражданским служащим в ВМФ США.

Заключение

И теперь, когда я ложусь спать, я часто вспоминаю время, проведенное на Восточном фронте. Почти 70 лет спустя мне нелегко принять тот простой факт, что никто не ворвется в мою спальню, крича, что русские пошли в атаку, и мне не больше придется нестись сломя голову к своей огневой точке в траншеях, чтобы изготовить мой верный MG-42 к бою!

Интервью: Jeff Johannes; дополнительная информация: Chris Pittman; редакция Douglas E. Nash

Са́йм <http://www.dererstezug.com/VeteranInterviews.htm>

Рассказ немецкого артиллериста - Klaus Gerlach

Я родился в Померании в семье мясника. После школы я работал пастухом (*Hütejunge*) и подсобным рабочим на ферме. В Гитлерюгенде я был совсем недолго, провел полгода в RAD (*Reichs Arbeits Dienst -Трудовая Служба Рейха – RAD – крупная организация в нацистской Германии, нацеленная на устранение последствий массовой безработицы, милитаризацию и идеологическую обработку трудоспособного населения - ВК*) и в 1939-м был призван в армию. Участвовал во французской кампании, затем нашу часть перевели в Чехословакию, откуда я и попал на Восточный фронт.

... Мы стояли где-то под Орлом. У нас было три противотанковых орудия. Ох и холодно было! Невозможно было блиндаж отрыть: земля промерзла и стала твердая как лед, поэтому мы стали строить блиндажи из снега. Было градусов 20 или 30 ниже нуля, без вранья. Стлали сосновые ветки, потом прорезиненные плащи, укрывались такими же

плащами и одеялами, реквизированными у русских. А нос все равно торчал!

Многое довелось испытать: радость, несчастья, голод. Было и так, что я валялся без сознания рядом с орудием после прямого попадания. Лежал и думал: «Вот теперь я мертвец.» В тот день я командовал орудийным расчетом. До я этого я был пулеметчиком, но прежний командир расчета был ранен и передал командование мне. Все случилось очень быстро. В то утро я сказал ребятам из своего расчета, что буду на часах с 6 до 8. Стою на часах, и тут русские начали артобстрел. То мина упадет, то снаряд. Разрывы становились все ближе и ближе, и тут заговорил «Сталинский Орган» (*реактивный миномет – ВК*). «Так, - подумал я, - надо куда-то прятаться.» Уселся за орудийным щитом, сжался в комок и буквально через секунду в орудие попал снаряд. Левое колесо, к которому я прижимался, отлетело на сотни метров... Я какое-то время провалялся на земле между станинами, покрытый песком и ветками кустарника. У меня была одна мысль: «Вот оно какво – быть мертвецом...» Честно, так и было, помню отлично. Не знаю, сколько так продолжалось. Меня трясло, но не от страха! Я осмотрел себя – не течет ли кровь. Захотел проверить, на месте ли мои руки и ноги, но не смог... Затем я стал приходить в себя. Слава богу, я не потерял ни капли крови...

Немецкие артиллеристы в бою

Как вести огонь из противотанкового орудия? Когда вражеский танк в 600 метрах от вас и делает зигзаги влево-вправо, вы используете поворотный рычаг. Когда он в 400 метрах, поворачиваешь ручку чуть-чуть, когда в 600 метрах – сильнее и влево, при этом поворачивается телескопический прицел. Так задаешь упреждение - танк должен пересечь трассу полета снаряда, поскольку на этот полет уходит какое-то время, не так уж он быстро летит, хотя это зависит от расстояния. От других вещей это тоже зависит. У нашего орудия была пологая траектория выстрела, поэтому снаряд достигал цели быстрее. Но надо понимать, что за три секунды танк проходит расстояние в две свои длины. Конечно, это еще зависит от того, как быстро он несется, поэтому вам было необходимо определиться с этим тоже. Я целился в самый нос, и танк въезжал в выстрел – ловил снаряд в самую середину, если ты стрелял в нужный момент. Я отработывал это снова и снова...

Когда приходилось бросать орудие, мы должны были разбить оптику любой ценой или забрать прицел с собой. Как-то в 1943-м русские танки пошли в атаку. Мой друг Херманн и остальные ребята из нашего расчета были в тягаче. Тягач тронулся, а я остался сам по себе. Мне пришлось бежать к орудью, чтобы снять прицел. Так или иначе, все это могло закончиться для меня военно-полевым судом, так как я не должен был дать моим солдатам рвануть в тыл таким образом: я должен был удерживать их под контролем. Ну, я снял прицел и побежал в тыл. И тут какой-то танк обогнал меня! «Парень, пора

сворачивать!» - подумал я и свернул в кустарник (*Kusselgelände*) слева от меня. Почему-то я решил, что наши были где-то в этом направлении... Русские танки оказались где-то справа от меня всего лишь в 15 шагах. И тут я наткнулся на какого-то офицера с пистолетом в руках. «Там, сзади, полно танков, там нам не пробиться. – Да, - сказал офицер, - их пехота тоже прорвалась, тут нам дороги нет.» Я тронулся дальше, но офицер повернулся и сказал: «Парень, что будем делать дальше? У меня в пистолете осталось три патрона.» У меня тоже был только пистолет – так был вооружен командир орудийного расчета или взвода, однако, у меня было еще в достатке патронов. Я остановился. Мы залегли в кустарнике, стараясь держать противника в поле зрения. Нужно было дождаться темноты. Тут неожиданно раздался грохот, и третий танк в колонне русских загорелся. Сразу же за ним был подбит еще один танк – ближайший к нам. Его экипаж выскочил из машины и бросился бежать в нашем направлении, верите или нет! Русские залегли за кустом справа от нас. Один из русских пополз назад к танку – тот не горел, но был выведен из строя. Он залез в танк и выбросил оттуда карабин. Пока все это продолжалось – что-то около 15 минут – было подбито еще три танка. Однако, теперь у русских был карабин, но нас они так и не заметили. Мы рванули туда, где, как казалось, были наши позиции. Никакой стрельбы не последовало. Мы бежали и махали руками – нам не хотелось, чтобы нас убили свои... Ну и денек!

Я был награжден *Panzervernichtungsabzeichen* (*нагрудный знак за уничтожение танка противника – ВК*). В ближнем бою я уничтожил три танка, причем без противотанкового оружия. Вообще, я сжег эти танки не один. Если бы я сделал это один, я получил бы золотой знак, а так у меня только серебряный. Танки я сжег вместе с парнем по имени Willi Korsch. Он был из фермеров, грубый малый, но отличный солдат. Мы сожгли эти танки, сам удивляюсь как это получилось. В густом кустарнике русский танк остановился прямо напротив нас. Рассветало, но было еще темно... Сначала Вилли сбегал за канистрой с бензином и зажег третий танк в колонне, затем мы запалили первый, потом тот, который был посередине. Всего один русский парень, невероятно здоровенный малый, сумел выбраться, но мы уложили его... За этот бой я даже получил специальный отпуск. С этим нагрудным знаком в то время солдат выделялся среди других. Я помню, был у нас офицер, который несколько раз сказал мне: «Завидую любому, у кого есть такой знак!»

Летом 44-го я попал в плен под Бобруйском и провел в России еще 5 лет. Случилось это так. Неожиданно 15 танков появилось неподалеку от нас в поле зрения. К тому моменту мы уже хорошо постреляли, собирались поменять позицию, и тут мой друг Херманн заглянул в ствол орудия и сказал: «Уф, сначала нужно прочистить дуло.» Щетку мы потеряли, и я сказал: «Парень, протолкни свою пилотку через ствол!» В любом другом случае все могло закончиться разрывом ствола, как-то я через это прошел. Пока мы чистили ствол, танки продолжали движение, и я закричал: «Быстрее! Поторопитесь!.. Есть ли у нас бронебойный?!» Русские стреляли по нам, поскольку уже разглядели наше орудие, хотя мы и замаскировались за садовой оградой. Я прокричал дистанцию, и тут снаряд разорвался прямо напротив. Херманн упал... Он лежал и звал меня: «Клаус, скорее, помоги мне!» Остальные стояли столбом на месте, словно никто не знал, что делать... Его кишки вываливались наружу. Я достал свой медицинский пакет и быстро перевязал его... «Херманн, собери все силы и беги к тягачу,» - сказал я ему. Он ответил: «Я крепкий парень, я выдержу.» Но он умер. В тот день война закончилась для нас обоих...

Восточный фронт: убитые немецкие артиллеристы...

Человек на войне должен знать *Kriegsspielen* (Искусство войны – ВК). Всегда напрягай свой слух. Кроме того... не могу сказать, что я боялся не больше других. Страх был у каждого. Не бывает, чтобы человек не боялся за свою жизнь. Нужно понимать разницу между грохотом выстрела и грохотом развавшегося после этого снаряда, или разницу между минометным или орудийным обстрелом, а она есть! Нужно уметь угадывать, где разорвется мина или снаряд, чтобы вовремя броситься на землю. Я всегда делал это достаточно быстро, потому что они падали рядом. Могу сказать, что не менее сотни раз они падали в пределах десятка метров от меня... Но я не падал плашмя из-за каждого летящего в мою сторону снаряда, вовсе нет. Я просто был солдатом, который видел происходящее должным образом. Я чувствовал, наш снаряд летит или вражеский, его направление, а если снаряды падали россыпью, я знал, что нужно все время быть начеку. Я не испытывал судьбу, но не из страха...

Оригинальный текст: <http://www.dererstezug.com/VetGerlach.htm>

Ранее публиковалось на сайте www.warspot.ru

ДНЕВНИК СОЛДАТА - ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ: 31 МАРТА - 26 СЕНТЯБРЯ 1942 ГОДА

ВОЛЬФГАНГ КНОБЛИХ

7-я РОТА, 2-й БАТАЛЬОН, 513-й ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Завоюй наследство отцов своих, чтобы иметь право владеть им...

Я выбрал эти слова в качестве эпитафии к моему дневнику, поскольку понял: жизнь на передовой приучает нас по-настоящему ценить то, что раньше доставалось нам слишком легко.

31-03-1942

Линия фронта, должно быть, находится в 40 милях. Последние новости оттуда мало радуют... В такие моменты приходит мысль, что мы - малозначительные пешки в большой шахматной игре, которая разворачивается в настоящий момент. Да, господа! "Равняйся! Смирно, шагом марш! От судьбы не уйдешь..".

01-04-1942

И в Харькове, и здесь, где мы расположились, к нашему удивлению, полно книг по математике, физике, английскому языку и древней истории, что указывает на высокий уровень культуры в этих местах, на присутствие настоящих культурных ценностей. Очевидно, что они уделяют большое внимание общественному образованию.

02-04-1942

Деревня, в которой мы дислоцированы, носит название Непокрытое. Мои товарищи говорят мне, что всего две недели назад русские прорвались настолько далеко, что вышли к этим местам. Пришлось взрывать орудия, расположенные на передовой. Многие бежали на всех парах, думая только о том, чтобы спасти свою шкуру.

03-04-1942

Сегодня исполняется год, как я в армии. Как и год назад, мне сегодня совсем не по себе, как будто камень лежит на сердце. Это чувство смущения и неумение приспособиться к окружающим обстоятельствам всегда давит на меня, когда я оказываюсь в новой обстановке. Хорошо тем, кто знает, как прижиться в новой обстановке без затруднений. По сей день единственное, что радовало меня, это воспоминания.

04-04-1942

Масса новых впечатлений, не всегда приятных. Многие из этого привлекают, поскольку само по себе новое и интересно, но едва ли это надолго. Есть какая-то губительная меланхолия в этом ландшафте, и сама служба вскоре несомненно станет невыносимо нудной.

05-04-1942

...Вся Германия надеется и верит, что этой весной эта ужасная кровопролитная война достигнет решающего поворота. Мы молимся за победу и мир...

16-04-1942

Сержант, который вводит меня в курс дела, давая всевозможные инструкции, пытается внушить мне, что в стрельбе главное - не знания, а уверенность в себе.

22-04-1942

Солдаты, которым довелось побывать во Франции и на Балканах, рвутся домой и с нетерпением ждут, когда им придет замена. Их вера в наши силы и нашу победу не имеет предела. Эта вера имеет корни в осознании своего превосходства над русскими.

12-05-1942

После сегодняшнего дня я могу сказать с уверенностью, что испытал на себе все ужасы передовой. Непокрытое - это последний укрепленный пункт оборонительной линии, расположенной перед Харьковом. Если он будет захвачен, дорога на Харьков, которая ведет через открытую местность, будет очищена. Еще не наступило утро, когда нам передали с поста V, что приближаются русские танки. С рассветом мы уже имели возможность видеть восемь из них. Начиная с раннего утра, наши батареи засыпали снарядами цепь вражеских танков. Один из них был подбит и далее оставался неподвижным. Но русские отреагировали незамедлительно. Высота, на которой располагался пост V, оказалась под таким огнем, что мы не знали, куда спрятаться. Кроме того, русские бомбардировщики и штурмовики предприняли ожесточенную атаку, что добавило страха, но самое трудное было впереди.

Интенсивный артиллерийский огонь настолько расколошматил обе линии нашей обороны, что мы оказались безо всякой связи. Наши действия никак не координировались, а наша артиллерия молчала.

Затем русские танки пошли в атаку. Наша пехота начала отступать. Мы предприняли еще одну отчаянную попытку восстановить связь, тогда как наша пехота уже скопилась в тылу... Тут пришла и наша очередь отступать. Мы не самым достойным образом рванулись в более безопасное место, захватив с собой только полевые телефоны и карабины. Пули свистели прямо над нашими головами... Теперь наши артиллеристы могли видеть танки противника и открыли огонь. Какое-то время русские потратили на то, чтобы оценить ситуацию и определить, где находятся наши артиллерийские позиции. Теперь, разобрав что к чему, они обрушили тяжелые снаряды на наших артиллеристов ...

Я помог остальным подтащить боеприпасы - просто, чтобы занять себя. После многих часов ружейной и артиллерийской перестрелки у нас стали кончатся боеприпасы. Мы сделали более 800 выстрелов, и теперь вынуждены скрываться в наших дотах. Русские тоже прекратили огонь. В конце концов подъехал грузовик со снарядами, и артиллерийская дуэль возобновилась с новой силой.

Русские стреляют с дьявольской точностью. Наше первое и третье орудие превратились в металлолом после прямых попаданий. Но расчеты уцелели. Все офицеры и унтер-офицеры собрались вокруг второго орудия - единственного, которое еще могло стрелять. Мне стало не по себе, когда я увидел такое большое скопление людей, и я решил переменить свою позицию. Как только я переместился, два снаряда упали на наших. Восемь человек были убиты на месте, еще шестеро получили тяжелые ранения. Мы перевязали их раны, как могли, и начали торопливо отходить. Наши части отступали. Я помогал нести раненых, и поэтому мне пришлось выбросить даже то небольшое, что собирался взять с собой. Все, что я взял с собой, уместилось в сумку, в которой я раньше носил галеты и всякую мелочь, однако, я сумел прихватить с собой плащ-палатку, карабин и патроны.

Отступая из деревни, мы приняли участие в перестрелке вместе с пехотинцами. Огонь русских артиллеристов преследовал нас, и их снаряды продолжали взрываться рядом. В дополнение к этому русские продолжали атаковать нас воздуха и наносить нам тяжелые потери.

Время шло, было уже четыре часа утра, в небе не было ни одного немецкого самолета, ни один немецкий танк не появился, чтобы поддержать пехоту. Нам пришлось с нелегким сердцем бросить орудия. Думаю, мы поступили правильно, отступив с боем...

Наконец-то мы добрались до какой-то балки. Мы с облегчением спустились в нее, найдя укрытие от ружейного огня. За каким-то перелеском мы остановились, чтобы перевести

дух. Слава богу, наступали сумерки. Это спасло нас, иначе русские перестреляли бы нас как кроликов на плоской открытой равнине, расстилающейся перед Харьковом. В нашей батарее осталось 12 человек.

21-05-1942

Меня повысили в звании до *Oberschütze*. Просто не могу поверить... Я страшно доволен тем, что избавился от рутинных обязанностей батарейной службы, от которой просто тупеешь.

27-05-1942

Нас опять перевели в так называемую резервную команду. В ней служат ребята, которые еще довольно молоды и нуждаются в дополнительном обучении. Итак, теперь я исполняю обязанности унтер-офицера. Целыми днями мы занимаемся тем, как наблюдаем за подчиненными, занятыми в мытье лошадей. Вполне естественно, что нам это не по душе.

05-06-1942

Вообще-то, жизнь здесь не сахар. На нас поступают всевозможные злобные и несправделивые жалобы. Унтер-офицеры ведут себя особенно паскудно. Последне несколько дней показали, что мы вполне можем справиться со своими обязанностями.

17-06-1942

События сменяют друг друга с невероятной быстротой. В 11 часов вечера я был при исполнении своих обязанностей. Меня вызвали по телефону. Беседа началась с судьбоносных слов: "Итак, Кноблих, завтра мы отправляемся на фронт". Меня назначили на должность связиста. Мне предстояло заняться малоприятной работой - прокладкой кабеля. Меня подняли посреди ночи, и все потому, что я, к несчастью, считаюсь "молодым", и меня можно бросить на любое не самое привлекательное задание. Мне осточертело, что меня швыряют как пасынка. Пospав всего около часа, мы отправляемся в марш длиной в несколько миль. Надо признать, начало не самое обещающее. В тот же день мы вновь меняем позиции. Я уже сыт по горло всем этим. 12-го мы форсируем Донец.

Снова и снова мы бросаемся на землю прямо в лошадиное дерьмо. Минометный и артиллерийский огонь столь интенсивен, что просто приводит в содрогание. Вечером мы возвращаемся на батарею. На рассвете начинаем двигаться на восток. Наша пехота не выдерживает плотного минометного огня и вынуждена отступить к высоте, на которой находится наш наблюдательный пост. Теперь в бой вступают русские танки. Мы бросаем нашу аппаратуру и пускаемся наутек. От этих стальных чудовищ просто так не убежишь...

... Теперь я сижу в какой-то грязной яме, выбившись из сил. Я полностью разбит. У меня нет смены носков, нет мыла и полотенца, чтобы умыться. Со мной лишь только вой минометов - это наш постоянный компаньон. Что за собачья жизнь!

20-06-1942

Дни, полные событий, приходят и уходят. Жизнь висит на нитке. Война, конечно, ужасная вещь, мы ее, конечно, проклинали, но и у нее есть полезные стороны. Она постоянно добавляет нам жизненного опыта. Мы получаем новые впечатления, видим все тягостное, связанное с ней, но многое из всего этого имеет свою ценность...

21-06-1942

Я совсем закопался в своих душевных переживаниях, и, в целом, слишком много думаю. Я часто ловлю себя на том, что пытаюсь постичь вещи, сами по себе не являющиеся рациональными. Вероятно, это Россия давит столь сильно мне на психику. Я тоскую по пище для ума, как голодная собака по кости. Как хотел бы я сейчас заняться научной работой! Все, что есть под рукой, - это номера *Münchner Lesebogen* (Журналы для немецких солдат с публикациями на различные темы: философия, поэзия, история, лирические произведения, пропаганда и политика, детские рассказы - ВК), мои молчаливые спутники. Они воодушевляют и успокаивают меня. На их страницах я открываю себя и иногда нахожу ответы на свои трудные вопросы. Они - мои настоящие друзья, изо дня в день, особенно в часы одинокой рефлексии.

Журналы *Münchner Lesebogen*

(<http://www.ebay.de/itm/Munchner-Lesebogen-Konvolut-20-Hefte-Schmidkunz-Walter-Hg-/391425676497?hash=item5b22c9d4d1&autorefresh=true>)

И у солдат, и у офицеров довольно мрачное настроение. Все невеселы, и какой-либо реальный энтузиазм совсем исчез. У всех одно и то же всепоглощающее желание - выбраться из этой бойни, уйти на отдых, побывать дома, просто получить увольнительную. Наступательный дух давно покинул наши ряды...

24-06-1942

Ночь ужасов! Последние несколько часов, которые нам пришлось провести в этой убогой небольшой деревне, неожиданно оказались просто кошмаром! В час ночи нас разбудили взрывы неслыханной мощности. Мы повыскакивали из кроватей и распластались на полу. Это были первые сигналы того, что на фронт прибыла тяжелая артиллерия Сталина. В одно мгновение мы вылетели из дома и укрылись в ближайшем подвале. Шел сильный дождь. Деревню вскоре охватил пожар. Зловещие отблески пламени осветили дома, улицы и лица солдат...

06-07-1942

Прошедшая неделя не принесла хороших новостей. То, как мы существуем, меня никак не радует. Мы опять в казармах. Едва мы вернулись с передовой, опять началось обучение. Вот вам и прусская система!

09-07-1942

Сегодня можно было просто сойти с ума. Нас заставляли машировать гусиным шагом хуже, чем новобранцев, и все это в условиях невыносимой жары. Но "влиятельные" круги считают, что в этой безжалостной муштре лежит залог наших побед.

... Вероятно, на этот раз меня повысят в звании. Я давно это заслужил. Хотя я часто знаю больше, чем любой из унтеров, мне, *Oberschutze* с существенным образовательным уровнем, доверяют меньше, чем им. Таковы трудности, которые нужно преодолеть.

19-07-1942

Наши непосредственные начальники отравляют нашу жизнь мелкими придирками, упражняясь в деспотии, которую они сами себе и позволили. Например, нам нельзя расстегивать воротники во время марша. Что за тирания! Они всегда хватают через край. Нет конца смотрам и заданиям. Старопрусская муштра в чистом виде! При этом здесь все это делается с большим усердием, чем в казармах.

25-07-1942

Я хорошо изучил эту систему и просто возненавидел ее. Хоть бы удрать куда-нибудь от этих дубов...

30-07-1942

Иногда я просто впадаю в отчаяние. Здесь нет никого, кому я бы мог излить душу, или кого-то, кто бы понял меня. Люди, с которыми я здесь в контакте, пустоголовые, поверхностны и туповаты. У меня нет иного выбора, как оставаться наедине со своими чувствами. Это нелегко, но я привык к этому и должен как-то держаться. Я пытаюсь найти душевные силы и спокойствие через одинокие молитвы... Я часто представляю себе свое возвращение домой. Господи, осуществятся ли когда-нибудь эти мечты! Когда этот день придет, мы вернемся совершенно другими людьми, с совершенно другими взглядами на жизнь, будем совершенно по-новому ценить ее благо.

Иногда мне кажется, что я во-многом стал материалистом. Сколь часто я ловлю себя на том, что погружен не в философские мысли, а в раздумья о деликатесах или о других приятных предметах. Конечно, это не значит, что я - уже не идеалист, которым я был раньше. Конечно, когда я вижу что-то, совершаемое несправедливо или деспотически, я часто готов выбросить мои идеалы куда подальше, но тогда я теряю душевное спокойствие, необходимое мне в часы одиночества. Только в идеалах я нахожу совершенство, которого так не хватает в этом мире, полном раздоров и зависти, несправедливости и тирании, невинными жертвами которых мы так части становимся.

06-08-1942

Русские яростно атакуют. Мы отвечаем огнем на огонь весь день и всю ночь. Во время коротких затиший мы все глубже зарываемся в землю. Я измотан до предела. Хоть бы эта пытка поскорее закончилась!

12-08-1942

Я выдохся, и для того, чтобы написать эти несколько строк, буквально трачу последние силы. Эта ужасная война скоро для меня не закончится... Меня уже тошнит от всего, и я хотел бы избавиться от всего своего окружения, от этих прекрасных парней, которые слегка старше меня по званию, от этих ефрейторов и капралов, которые полны желанием "подсластить" нашу жизнь. Они навешивают на нас всевозможные надоедливые поручения, такие, например, как добывание корма для лошадей. Наша жизнь начисто лишена каких-либо просветов.

Мы находимся в нескольких милях от Дона, и нам говорят, что мы проведем здесь зиму.

31-08-1942

...Все, о чем мы говорим, касается двух предметов: отпусков и женщин - да-да, женщин, даже здесь, в России. Часто мои товарищи говорят следующее: "Я считаю себя женатым только в Германии..". Можно себе представить, как эти ребята проводят свободное время.

13-09-1942

Наконец-то хорошая новость - из связистов меня переводят на наблюдательный пункт V. С легким сердцем я покидаю траншеи. Тень и тишина - как хорошо!

26-09-1942

Опять нас сменили итальянцы. Прекрасное время, проведенное на посту V, осталось в прошлом. Приказ подготовиться к немедленному маршу свалился как гром с ясного неба.

Сегодня мы расположились в маленьком городке в 10 милях от Россози. Никто не знает, что нам предстоит, а мы и того меньше - остается только дать волю воображению.

Боюсь, ближайшее будущее не обещает ничего хорошего. Все говорят, что зимой наш ждут бои, хотя никто в этом не уверен. С другой стороны, в глубине души каждый лелеет надежду на возвращение в Германию или на отвод в тыл, хотя бы в оккупированные страны. Куда угодно, только бы подальше от России...

Ранее публиковалось на сайте www.iremember.ru

Перевод и литературная обработка: Владимир Крупник